

УДК 821.352.3
ББК 83.3 (2=Рус)6
П 16
С.Р. Панеш

**Обогащение художественных возможностей лирической и
лиро-драматической поэмы 70-х – 80-х годов XX века
(Рецензирована)**

Аннотация:

Целью данной статьи является изучение художественных возможностей лирической и лиро-драматической поэмы в адыгейской литературе 70-х – 80-х годов XX века, для которой характерно введение нетрадиционных для национальной поэзии приемов. Следует отметить, что данному виду поэмы присуще развитие художественных тенденций, обогащение новыми художественными достижениями (жанровые и структурно-стилевые особенности), усиление художественной проблемности, что привело к развитию лирической и лиро-эпической поэмы, слиянию лирико-исповедального плана с объективно-повествовательным.

Ключевые слова:

Лирико-философская поэма, лирическая поэма, лирический цикл, лирический герой, лиро-драматическая поэма, поэзия, поэтика.

По мнению многих литературоведов, лирическая поэма, как правило, может возникать в национальной поэзии на определенном уровне ее развития, а в творчестве поэтов этот жанр свидетельствует о художественной зрелости всей поэзии. К. Шаizzo справедливо замечает, что «процесс превращения объективного содержания в «свое содержание» (слова Гегеля) в адыгейской лирике сопровождался немалыми издержками» [1: 164]. Для создания лирической поэмы адыгейская поэзия должна была пройти определенный путь поисков, неудач, достижений. Разумеется, элемент лирики присутствовал в произведениях А. Хаткова, А. Евтыха, М. Паранука, Х. Андрухаева и других поэтов 20-х – 30-х годов XX века, на них ориентировалась современная лирика И. Машбаша, Н. Куека, Р. Нехая, М. Емиж, М. Тлехаса и других.

Лирико-философская поэма близка стихотворному циклу. Между ними очень много точек соприкосновения. Но нельзя рассматривать лирический цикл как разновидность медитативной, ассоциативной поэмы, учитывая, что и лирические циклы, и лирико-философские поэмы возникли в новописьменной поэзии почти одновременно. Лирическая поэма смогла сохранить связь с эпическими традициями стихотворной формы, а лирический цикл почти отказался.

Некоторые специфические особенности лирико-философских поэмы заметно потеснили эпические поэмы о современности. В поэмах И. Машбаша и Х. Беретаря лирические ассоциации тесно сплетаются с гражданской и общественной проблематикой. Это характерно и для некоторых поэмы Р. Нехая. Философская мысль, проведенная через сложную цепь лирических ассоциаций, формирующая композиционную структуру, свойственна поэмам М. Тлехаса.

Однако лирико-философская поэма – сложный жанр. Здесь вступают в конфликт чувства и разум, факты и их интерпретация. От интеллекта читателя, от духовного содержания личности лирического героя, художественных возможностей автора зависит успех поэмы. Поэтому произведения И. Машбаша «Гром в горах» («Сильные люди»), Х. Беретаря «Сказ об ауле» являются эпическими поэмами об истории, где значительно обогащен лирический арсенал. Эта своего рода «разведка» на поле нового жанра – лиро-философской поэмы – одинакова, так как обусловлена уровнем художественного мышления автора и внутренним миром героя.

В количественном отношении лирических поэм в адыгейской поэзии не так много, но они, наряду с другими жанрами, стали главным показателем бесспорных успехов поэзии. Причем, даже эпические по своей структуре и типу поэтической речи поэмы, если они являлись повествованием о личности, приближались к лирическим, тем более, если строились от первого лица. Такие повествования, в которых главным жанровым элементом является эпическая сторона, были написаны А. Гадагатлем («Моя учеба», «Мой аул»). В то же время поэмы И. Машбаша «Невестка», Х. Беретаря «Моя невеста» не образуют совершенной лирической структуры, несмотря на то, что рассказ ведется от лица героя.

К подлинно лирическим могут быть отнесены поэмы И. Машбаша «Люблю», «Сказ об одной любви», «Письмо»; Х. Беретаря «Моя любовь»; Н. Куека «Я-клавиши на гармонии», «Иду к человеку»; Р. Нехая «Любовь моя машет мне рукою», «Мы всегда с тобою вместе» и другие. Жанровые признаки названных поэм определяются как лирические, так как тематика их не излагается, а лирически осмысливается через характер отношений героев к жизни, счастью, посредством чего раскрывается духовный и нравственный мир.

Лирическая поэма тяготеет к «свободному» бессюжетному размышлению. Это качество обретено ею в результате общей философизации лирики. Указанная особенность роднит лирическую поэму с лирическим циклом, который в сюжетном отношении, в отличие от поэмы, абсолютно свободен. Проблема лирического цикла в адыгейской (во всех новописьменных литературах) литературе требует отдельного разговора: во-первых, он почти не изучен, во-вторых, образцов цикла в поэзии уже немало, в-третьих, достижения лирического цикла как самой высокой художественной организации во многом свидетельствуют о ее идейно-эстетической состоятельности.

Главное направление идейно-художественных поисков авторов в данных произведениях - стремление личности познать себя, открыть свой внутренний мир для добрых и больших мыслей и дел, обогатить духовный и нравственный мир человека гуманистическими идеями.

Эволюция адыгейской поэмы определяется также обращением к обширной тематике, которая не укладывается в рамках одного стихотворения. Это ведет к расширению границ лирики, к появлению большого числа «маленьких поэм» лирического плана, значительных по своему проблемно-тематическому содержанию и концентрированных по художественным особенностям.

Такое качественное проявление лирического заметно выражено в поэзии Р. Нехая, М. Емиж, М. Тлехаса. Например, произведения Н. Куека «Дожди, которые не идут», «Светлая печаль первой любви», «В добрый путь, молодые деревья» представляют собой небольшие поэмы-монологи, зарисовки внутреннего авторского переживания. Если Р. Нехай в поэмах «Чайки», «Мой Интернационал» склоняется к лирически-конкретному выражению авторского переживания, то лирическое чувство Н. Куека тяготеет к обобщенно-романтическому лирико-философскому осмыслению поставленной темы. По мнению У. Панеша, адыгейская поэма 70-х – 80-х годов XX века отмечена «значительным усложнением конфликта и усилением художественной проблемности» [2: 65].

Если Р. Нехай близок к «аналитически-конкретному, обстоятельному анализу», то авторское чувство М. Емиж стремится к «обобщенно-романтическому и лирико-философскому» освещению темы. В небольшой поэме «Паганини» автор пытается представить целостную зарисовку внутреннего авторского переживания. Для достижения художественной правды используются возможности диалога и комментарий. Лирическая поэма «Паганини» построена в форме разговора между автором и героем. М. Емиж смогла войти в мир главного героя – Паганини, «в его духовное сознание, и не только войти, но и роскошно в нем расположиться, вольготно пользуясь богатыми его дарами» [3: 41], ибо поняла своего героя, осознала широту и мощь творческой природы.

В диалоге автора и героя мы находим размышления о сущности человека, таланте и творчестве, судьбе и человеческом сообществе. Поэма условно состоит из четырех частей: вводная часть, размышления Паганини, ответ автора и напутствие героя.

В первой части поэмы рассказывается о судьбе известного музыканта Паганини. По мнению автора, земля была удивлена рождением ребенка ангельской красоты, но реальный мир оказался очень жесток: повеяло злым ветром, и красота, испугавшись, покинула Паганини-ребенка, сосредоточившись в его пальцах. Так автор объясняет читателю чудесный талант известного музыканта. Далее автор рисует жизненные перипетии, все невзгоды, через которые пришлось пройти Паганини. Это и человеческая зависть, и непонимание со стороны людей. Автор переживает все горести вместе со своим героем:

Обида дает мне право говорить эти слова.
Обидно, и я пишу,
Обидно, но я смеюсь,
Обидно, но я радуюсь, несмотря ни на что.
Никто не видел моих слез,
Если видели, то только мое негодование,
Если видели, то только мои следы,
Идущие в небо,
След моих рук, протянутых к правде [4: 42].
(Подстрочный перевод наш)

Во второй части поэмы Паганини делится своими переживаниями, рассказывает о своей нелегкой судьбе. Герой обращается к людям, можно сказать, взывает к ним, просит каждого жить своей жизнью, не делать плохого окружающим, не завидовать чужому счастью, чужой удаче, заниматься своим делом. Эти слова звучат афористически точно:

Мир таков, что нельзя быть ни умным, ни сильным.
Мир таков, что приходится платить за кусочек счастья.
Мир таков, что отомстит тебе за правду.
Мир таков, сбросит тебя на обочину жизни. [4: 43]
(Подстрочный перевод наш)

В третьей части автор продолжает диалог и раскрывает свои мысли и чувства главному герою. По мнению поэтессы, мир очень красив и разнообразен. Автор сравнивает музыку Паганини с ручейком, который, набирая силу, становится рекой и впадает в море. Так и у людей: кто-то начинает дело, а кто-то другой заканчивает. Сравнивая свою жизнь и творчество с жизнью и творчеством музыканта, М. Емиж пишет:

Если бы мы встретились,
Если бы мы увиделись,
Если бы я знала о твоих трудностях,
Если бы ты знал о моих бедах,
Наши души породнились бы [4: 43].
(Подстрочный перевод наш)

В последней части Паганини дарит Земле бесценный дар: свою музыку, чтобы люди слушали ее и становились добрее и терпимее друг к другу.

Свою скрипку, свет моего сердца,

Дом моей души оставляю тебе, моя земля.

Подари ее людям! [4: 44].

(Подстрочный перевод наш)

По мнению Ш. Ергук-Шаззо, «образно-выразительная система, которая себя утвердила в первых произведениях поэта, осталась по структуре своей неизменной, но стала сложной и насыщенной мыслями». При этом поэма имеет свою «неожиданную направленность». В поэме есть все – любовь, размышления о Земле, о Вселенной, о людях. Это все находит себе каждый раз какой-то один корень, одно начало, которым пропитана поэма от начала до конца. Каждая строчка поэтессы, каждый образ выражают глубокие мысли, яркие размышления [5: 46].

Таким образом, поэма М. Емиж «Паганини» стала одним из важных достижений послевоенной адыгейской литературы. В ней отразились и время, и эпоха, и человек. Следует согласиться с Ш. Ергук-Шаззо, что «поэмы М. Емиж по-настоящему свидетельствуют о художественно-эстетической и философской зрелости поэзии, о высоком уровне ее мышления и выразительности», и что эта поэма – «образец подлинной лирики, высокого искусства, о котором М. Емиж много говорит в своей поэме о Паганини. Вместе с другими она продемонстрировала сильнейшие возможности адыгейского художественного слова» [5: 47].

Необходимо подчеркнуть, что М. Емиж смогла в поэме обозначить реалистический живописный рисунок, который содержит в себе глубокие философские мысли и яркую образно-выразительную систему, достойно завершила трудные поиски адыгейской послевоенной поэзии, которая в результате господства эстетики бесконфликтности оказалась на грани полного крушения ее художественной основы.

Исходя из вышеизложенного необходимо отметить, что современной поэме характерно развитие художественных тенденций, наметившихся в 30-е – 40-е годы XX века, формировавшихся в 50-е – 80-е годы XX века; обогащение новыми художественными достижениями. Речь идет о жанровых и структурно-стилевых особенностях, которые присущи современной поэме. Так, усиление художественной проблемности приводит не только к развитию лирической и лиро-эпической поэмы, но и к слиянию лирико-исповедального плана с объективно-повествовательным, что способствует образованию различных синтезированных жанровых форм (поэма-исповедь, лирический цикл), обращению к фольклорному миру на новом уровне художественного мышления. Влияние на современную адыгейскую поэму драматического начала ведет к обогащению художественных возможностей драматической разновидности лирической поэмы, введению в нее нетрадиционных для национальной поэзии приемов (ассоциаций, внутренней речи, наплыва кадров, диалогической структуры текста и т.п.). Анализ поэм о современности Н. Куека, Н. Багова, М. Емиж дает основание говорить об утверждении лирико-философского жанра в адыгейской поэме.

Примечания:

1. Шаззо К. Ступени. Исхак Машбаш: жизнь и творчество. Майкоп, 1991. 240 с.
2. Панеш У. Адыгейская литература 50-80-х годов XX века // История адыгейской литературы. Майкоп, 2002. С. 4-75.
3. Шаззо Ш. Художественное своеобразие адыгейской поэзии (эволюция, поэтика, стилевые искания). Майкоп, 2003. 381 с.
4. Емиж М. Таинственный знак. Майкоп, 1980. 47 с. (на адыг. яз.).
5. Ергук-Шаззо Ш. Поэт и его мир: к 70-летию Х. Беретаря // Литературная Адыгея. 2001. № 3. С. 112-118.